

SIMONE DE BEAUVOIR

**LE
DEUXIÈME
SEXE**

Симона де Бовуар

**ВТОРОЙ ПОЛ
(LE DEUXIÈME SEXE)**

Перевод
Бориса Кригера

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Симона де Бовуар, Второй пол (Le Deuxième Sexe). Перевод Бориса Кригера.

Перед вами перевод вступления к знаменитой книге Симоны де Бовуар, Второй пол — написанной в 1949 году, которая по праву считается манифестом феминизма XX века. Это не просто социологическое исследование или философское размышление — это разрушение тысячелетнего взгляда на женщину как на «естественно» вторичное существо. Бовуар, исходя из экзистенциалистской предпосылки, утверждает: женщина — не судьба, не природа, а конструкция. Фраза «On ne naît pas femme, on le devient» — «Женщиной не рождаются, ею становятся» — стала крылатой именно потому, что она в краткой форме выразила идею о том, что женственность не задана биологически, а формируется в обществе как система подчинения.

Книга написана с беспощадной логикой философа и страстной интонацией участницы: она не только описывает, но и разоблачает. Именно эта двойственность — между аналитическим холодом и внутренним вызовом — делает Второй пол нестареющим произведением.

Simone de Beauvoir

ВСТУПЛЕНИЕ К

**«LE DEUXIÈME SEXE» «ВТОРОЙ ПОЛ». ПЕРЕВОД С
ФРАНЦУЗСКОГО БОРИСА КРИГЕРА.**

Симона де Бовуар, Второй пол (Le Deuxième Sexe).
Перевод с французского и пояснения Бориса Кригера.

От переводчика

Перед вами перевод вступления к знаменитой книге Симоны де Бовуар, Второй пол —написанной в 1949 году, которая по праву считается манифестом феминизма XX века. Это не просто социологическое исследование или философское размышление — это разрушение тысячелетнего взгляда на женщину как на «естественно» вторичное существо. Бовуар, исходя из экзистенциалистской предпосылки, утверждает: женщина — не судьба, не природа, а конструкция. Фраза «On ne naît pas femme, on le devient» — «Женщиной не рождаются, ею становятся» — стала крылатой именно потому, что она в краткой форме выразила идею о том, что женственность не задана биологически, а формируется в обществе как система подчинения.

Для Бовуар мужчина — это нейтральное, универсальное,

а женщина — всегда «Другое», l'Autre. Она критикует религию, науку, мифологию, литературу — всё, что веками создавало женскую фигуру как объект, а не субъект истории и культуры.

Книга написана с беспощадной логикой философа и страстной интонацией участницы: она не только описывает, но и разоблачает. Именно эта двойственность — между аналитическим холодом и внутренним вызовом — делает Второй пол нестареющим произведением.

Настоящий перевод выполнен с предельным вниманием к смысловой структуре и стилистической выразительности оригинального философского текста и стремлением сохранить литературную интонацию автора, не искажая при этом логической строгости рассуждений.

Особенность подхода данного перевода — встраивание кратких пояснений непосредственно в текст перевода. Такие вставки служат не только для прояснения трудных понятий, но и для акцентирования лексических или грамматических особенностей оригинала, играющих важную роль в философском контексте.

Фразы на языке оригинала включены для того, чтобы читатель мог ощутить структуру исходного текста и проследить игру значений, зачастую не имеющую точных аналогов в русском языке. Это также позволяет

сохранить связь с традицией философского чтения на языке оригинала.

-. -. -.

Двуязычная версия книги во всех форматах для чтения и скачивания, а также контакты переводчика, находятся на сайте boriskriger.com в разделе "переводы".
<http://boriskriger.com/translations/>

INTRODUCTION

J'ai longtemps hésité à écrire un livre sur la femme. Le sujet est irritant, surtout pour les femmes ; et il n'est pas neuf.

La querelle du féminisme a fait couler assez d'encre, à présent elle est à peu près close : n'en parlons plus. On en parle encore cependant. Et il ne semble pas que les volumineuses sottises débitées pendant ce dernier siècle aient beaucoup éclairé le problème. D'ailleurs y a-t-il un problème ? Et quel est-il ? Y a-t-il même des femmes ? Certes la théorie de l'éternel féminin compte encore des adeptes ; ils chuchotent : « Même en Russie, elles restent bien femmes » ; mais d'autres gens bien informés – et les mêmes aussi quelquefois – soupirent : « La femme se perd, la femme est perdue. » On ne sait plus bien s'il existe encore des femmes, s'il en existera toujours, s'il faut ou non le souhaiter, quelle place elles occupent en ce monde, quelle place elles devraient y occuper. « Où sont les femmes ? » demandait récemment un magazine

intermittent(8). Mais d'abord : qu'est-ce qu'une femme ? « Tota mulier in utero : c'est une matrice », dit l'un. Cependant, parlant de certaines femmes, les connaisseurs décrètent : « Ce ne sont pas des femmes » bien qu'elles aient un utérus comme les autres. Tout le monde s'accorde à reconnaître qu'il y a dans l'espèce humaine des femelles ; elles constituent aujourd'hui comme autrefois à peu près la moitié de l'humanité ; et pourtant on nous dit que « la féminité est en péril » ; on nous exhorte :

Я долго колебалась, прежде чем решиться написать книгу о женщине.

Тема эта раздражает — особенно самих женщин; и к тому же она вовсе не нова.

Споры о феминизме пролили достаточно чернил, теперь они, по-видимому, почти завершены: «Пусть это останется в прошлом».

Однако об этом продолжают говорить.

И, похоже, обильные глупости, наговоренные за последнее столетие, не слишком прояснили суть дела.

Но существует ли вообще проблема? И в чём она состоит?

Существуют ли, в конце концов, женщины?

Безусловно, теория «вечной женственности» по-прежнему находит сторонников; они шепчут: «Даже в России они всё ещё остаются настоящими женщинами»; а другие, якобы осведомлённые — а порой и те же самые

— вздыхают: «Женщина утрачена, женщина потеряна».

Уже неясно, существуют ли ещё женщины, будут ли они существовать впредь, следует ли этого желать, какое место они занимают в этом мире и какое должны бы занимать.

«Где же женщины?» — спрашивал недавно один из нерегулярно выходящих журналов.

Но прежде всего: что такое женщина?

«Tota mulier in utero: это матка», — говорит один.

(Пояснение переводчика: «Tota mulier in utero» — «Вся сущность женщины — в утробе». Латинская формула редуцирует женскую идентичность к биологической функции.)

Однако, говоря о некоторых женщинах, знатоки заявляют: «Это не женщины»,

хотя у них такая же матка, как и у прочих.

Все сходятся на том, что в человеческом виде имеются самки;

и сегодня, как и в прошлом, они составляют примерно половину человечества;

и всё же нам твердят, что «женственность в опасности»; нас призывают:

« Soyez femmes, restez femmes, devenez femmes. » Tout être humain femelle n'est donc pas nécessairement une femme ; il lui faut participer à cette réalité mystérieuse et menacée qu'est la féminité. Celle-ci est-elle sécrétée par les ovaires ? ou figée au fond d'un ciel platonicien ? Suffit-il d'un jupon à frou-frou pour la faire descendre sur terre ? Bien que certaines femmes s'efforcent avec zèle de l'incarner, le modèle n'en a jamais été déposé. On la décrit volontiers en termes vagues et miroitants qui semblent empruntés au vocabulaire des voyantes. Au temps de saint Thomas, elle apparaissait comme une essence aussi sûrement définie que la vertu dormitive du pavot. Mais le conceptualisme a perdu du terrain : les sciences biologiques et sociales ne croient plus en l'existence d'entités immuablement fixées qui définiraient des caractères donnés tels que ceux

de la femme, du Juif ou du Noir ; elles considèrent le caractère comme une réaction secondaire à une situation. S'il n'y a plus aujourd'hui de féminité, c'est qu'il n'y en a jamais eu. Cela signifie-t-il que le mot

« femme » n'ait aucun contenu ?

«Будьте женщинами, оставайтесь женщинами, становитесь женщинами».

Следовательно, не каждое человеческое существо женского пола обязательно является женщиной;

необходимо участие в этой таинственной и уязвимой реальности, которой является женственность.

Происходит ли она из яичников?

Или же она заключена в недрах платоновского неба?

Достаточно ли пышной юбки с оборками, чтобы низвести её на землю?

Хотя некоторые женщины старательно стремятся воплотить её, этот образ никогда не был зафиксирован.

О ней охотно говорят в неопределённых и переливающихся формулировках, словно заимствованных из словаря гадалок.

Во времена святого Фомы она представлялась как сущность, определённая столь же надёжно, как «сонная добродетель» мака.

(Пояснение переводчика: «la vertu dormitive du pavot» — «сонная добродетель мака». Это ироничная ссылка на критику схоластической тавтологии: объяснение действия вещества его предполагаемым свойством.)

Но концептуализм утратил позиции:

биологические и социальные науки больше не верят в существование неизменно закреплённых сущностей, которые определяли бы такие признаки, как женские, еврейские или чернокожие.

Они рассматривают характер как вторичную реакцию на ситуацию.

Если сегодня женственности больше нет, значит, её никогда и не существовало.

Означает ли это, что слово «женщина» лишено всякого содержания?

C'est ce qu'affirment vigoureusement les partisans de la philosophie des lumières, du rationalisme, du nominalisme : les femmes seraient seulement parmi les êtres humains ceux qu'on désigne arbitrairement par le mot « femme » ; en particulier les Américaines pensent volontiers que la femme en tant que telle n'a plus lieu ; si une attardée se prend encore pour une femme, ses amies lui conseillent de se faire psychanalyser afin de se délivrer de cette obsession. À propos d'un ouvrage, d'ailleurs fort agaçant, intitulé *Modern Woman : a lost sex*, Dorothy Parker a écrit : « Je ne peux être juste pour les livres qui traitent de la femme en tant que femme... Mon idée c'est que tous, aussi bien hommes que femmes, qui que nous soyons, nous devons être considérés comme des êtres humains. » Mais le nominalisme est une doctrine un peu courte ; et les antiféministes ont beau jeu de montrer que les femmes ne sont pas des hommes. Assurément la femme est comme l'homme un être humain : mais une telle affirmation est abstraite ; le fait est que tout être humain concret est toujours singulièrement situé. Refuser les notions d'éternel féminin, d'âme noire, de caractère juif, ce n'est pas nier qu'il y ait aujourd'hui des

Juifs, des Noirs, des femmes : cette négation ne représente pas pour les intéressés une libération, mais une fuite inauthentique. Il est clair qu'aucune femme ne peut prétendre sans mauvaise foi se situer par-delà son sexe.

Именно это с воодушевлением утверждают сторонники философии Просвещения, рационализма, номинализма:

женщины — это лишь те человеческие существа, которых произвольно обозначают словом «женщина»;

в особенности американки склонны считать, что женщине как таковой больше нет места в современном мире;

если какая-нибудь запоздалая всё ещё воображает себя женщиной, подруги советуют ей пройти психоанализ, чтобы избавиться от этой навязчивой идеи.

По поводу одной, надо сказать, весьма раздражающей книги под названием Современная женщина: утраченный пол Дороти Паркер написала:

«Я не могу быть справедливой к книгам, которые говорят о женщине как о женщине...

Моё мнение таково, что все мы, мужчины и женщины, кем бы мы ни были, должны восприниматься как человеческие существа».

Но номинализм — доктрина поверхностная;

антифеминисты, в свою очередь, не без основания указывают, что женщины — не мужчины.

Несомненно, женщина — как и мужчина — человек.

Но такое утверждение абстрактно;

на деле всякое человеческое существо всегда существует в конкретной, уникальной ситуации.

Отказ от понятий вечной женственности, чёрной души, еврейского характера

не означает отрицания того, что сегодня существуют евреи, чёрные, женщины:

подобное отрицание не является для них освобождением,

а скорее представляет собой неаутентичное бегство.

Очевидно, что ни одна женщина не может без лукавства заявлять, будто её существование выходит за пределы её пола.

(Пояснение переводчика: «se situer par-delà son sexe» — «располагаться за пределами своего пола». Здесь «se situer» указывает на экзистенциальную позицию субъекта в мире, а не просто на социальное самоопределение.)

Une femme écrivain connue a refusé voici quelques

années de laisser paraître son portrait dans une série de photographies consacrées précisément aux femmes écrivains : elle voulait être rangée parmi les hommes ; mais pour obtenir ce privilège, elle utilisa l'influence de son mari. Les femmes qui affirment qu'elles sont des hommes n'en réclament pas moins des égards et des hommages masculins. Je me rappelle aussi cette jeune trotskiste debout sur une estrade au milieu d'un meeting houleux et qui s'apprêtait à faire le coup de poing malgré son évidente fragilité ; elle niait sa faiblesse féminine ; mais c'était par amour pour un militant dont elle se voulait l'égale. L'attitude de défi dans laquelle se crispent les Américaines prouve qu'elles sont hantées par le sentiment de leur féminité. Et en vérité il suffit de se promener les yeux ouverts pour constater que l'humanité se partage en deux catégories d'individus dont les vêtements, le visage, le corps, les sourires, la démarche, les intérêts, les occupations sont manifestement différents : peut-être ces différences sont-elles

superficielles, peut-être sont-elles destinées à disparaître. Ce qui est certain, c'est que pour l'instant elles existent avec une éclatante évidence.

Одна известная писательница несколько лет назад отказалась от публикации своего портрета в серии фотографий, посвящённой именно женщинам-писателям:

она хотела быть причислена к мужчинам;
но для получения этого привилегированного положения
прибегла к влиянию своего мужа.

Женщины, утверждающие, что они — мужчины, тем не
менее требуют для себя мужского уважения и мужских
почестей.

Я также вспоминаю молодую троцкистку, стоявшую на
трибуне посреди бурного собрания и готовившуюся
пускать в ход кулаки, несмотря на очевидную
физическую хрупкость;

она отрицала свою женскую слабость — но делала это из
любви к активисту, с которым стремилась быть на
равных.

Вызов, в который закостеневают американки,
показывает, что ими движет навязчивое чувство своей
женственности.

И в самом деле, стоит просто оглядеться с открытыми
глазами, чтобы увидеть,

что человечество делится на две категории
индивидуумов,

чьей одежды, лица, тела, улыбки, походка, интересы,
занятия —

явно различны:

быть может, эти различия поверхностны,

быть может, им суждено исчезнуть.

Но несомненно одно:

в настоящем они существуют с ослепительной очевидностью.

(Пояснение переводчика: «elles existent avec une éclatante évidence» — «они существуют с ослепительной очевидностью». Прилагательное «éclatante» усиливает восприятие видимой, почти кричащей наличности этих различий, подчёркивая феноменологическую реальность пола.)

Si sa fonction de femelle ne suffit pas à définir la femme, si nous refusons aussi de l'expliquer par « l'éternel féminin » et si cependant nous admettons que, fût-ce à titre provisoire, il y a des femmes sur terre, nous avons donc à nous poser la question : qu'est-ce qu'une femme ?

L'énoncé même du problème me suggère aussitôt une première réponse. Il est significatif que je le pose. Un homme n'aurait pas idée d'écrire un livre sur la situation singulière qu'occupent dans l'humanité les mâles(9). Si je veux me définir je suis obligée d'abord de déclarer : « Je suis une femme » ; cette vérité constitue le fond sur lequel s'enlèvera toute autre affirmation. Un homme ne commence jamais par se poser comme un individu d'un certain sexe : qu'il soit homme, cela va de soi. C'est d'une manière formelle, sur les registres des mairies et dans les déclarations d'identité, que les rubriques : masculin, féminin apparaissent comme symétriques.

Если её функция самки недостаточна для определения женщины,

если мы также отказываемся объяснять её через «вечную женственность»

и всё же признаём, пусть и временно, что на земле есть женщины,

то мы обязаны задать себе вопрос: что такое женщина?

Уже само формулирование этого вопроса подсказывает мне первый ответ.

Знаменательно, что именно я его задаю.

Мужчине и в голову бы не пришло писать книгу о том, какое особое положение занимают самцы в человечестве.

Если я хочу себя определить, я вынуждена прежде всего сказать: «Я — женщина»;

эта истина служит фоном, на котором может быть утверждено всё остальное.

Мужчина никогда не начинает с того, чтобы представить себя как существо определённого пола:

то, что он — мужчина, воспринимается как само собой разумеющееся.

Лишь формально, в анкетах мэрий и в удостоверениях

личности,

графы «мужской», «женский» выглядят симметричными.

(Пояснение переводчика: «comme symétriques» — «как симметричные». Здесь де Бовуар указывает на искусственность административной равнозначности полов, скрывающей асимметрию социальной реальности.)

Le rapport des deux sexes n'est pas celui de deux électricités, de deux pôles : l'homme représente à la fois le positif et le neutre au point qu'on dit en français « les hommes » pour désigner les êtres humains, le sens singulier du mot « vir » s'étant assimilé au sens général du mot « homo ». La femme apparaît comme le négatif si bien que toute détermination lui est imputée comme limitation, sans réciprocité. Je me suis agacée parfois au cours de discussions abstraites d'entendre des hommes me dire : « Vous pensez telle chose parce que vous êtes une femme » ; mais je savais que ma seule défense, c'était de répondre : « Je la pense parce qu'elle est vraie », éliminant par là ma subjectivité ; il n'était pas question de répliquer : « Et vous pensez le contraire parce que vous êtes un homme » ; car il est entendu que le fait d'être un homme n'est pas une singularité ; un homme est dans son droit en étant homme, c'est la femme qui est dans son tort. Pratiquement, de même que pour les anciens il y avait une verticale absolue par rapport à laquelle se définissait l'oblique, il y a un type humain absolu qui est le type masculin. La femme a des ovaires, un utérus ; voilà

des conditions singulières qui l'enferment dans sa subjectivité ; on dit volontiers qu'elle pense avec ses glandes. L'homme oublie superbement que son anatomie comporte aussi des hormones, des testicules. Il saisit son corps comme une relation directe et normale avec le monde qu'il croit appréhender dans son objectivité, tandis qu'il considère le corps de la femme comme alourdi par tout ce qui le spécifie : un obstacle, une prison. « La femelle

est femelle en vertu d'un certain manque de qualités », disait Aristote.

Отношение между двумя полами — не как между двумя электрическими зарядами или полюсами:

мужчина представляет собой одновременно и положительное, и нейтральное начало,

до такой степени, что по-французски говорят les hommes («люди»), имея в виду всех людей,

— особое значение слова vir (мужчина) было усвоено как общее значение слова homo (человек).

Женщина же предстает как отрицательное:

всё, что её определяет, воспринимается как ограничение — без взаимности.

Меня раздражало в абстрактных обсуждениях, когда мужчины говорили мне:

«Вы так думаете, потому что вы — женщина»;

но я знала: моя единственная защита — ответить:

«Я так думаю, потому что это — правда»,

тем самым устраняя свою субъективность;

невозможно было возразить:

«А вы думаете иначе, потому что вы — мужчина»,

потому что быть мужчиной — это не считается особенностью.

Мужчина имеет право быть мужчиной,

а женщина всегда неправа.

На практике, как у древних была абсолютная вертикаль,

относительно которой определялась наклонность,

так и ныне существует абсолютный человеческий тип — мужской тип.

У женщины есть яичники, матка —

вот особенности, замыкающие её в её субъективности;

говорят охотно: она мыслит железами.

(Пояснение переводчика: «elle pense avec ses glandes» — «она мыслит железами». Выражение демонстрирует редукцию женского мышления к биологии и гормональному состоянию, в противоположность

«объективному» мужскому разуму.)

Мужчина же с надменным равнодушием забывает,
что и его тело — это анатомия с гормонами и яичками.

Он воспринимает своё тело как прямое и нормальное
соотнесение с миром,

который, по его мнению, он воспринимает в его
объективности,

в то время как женское тело он считает отягощённым
всем, что его отличает:

это — помеха, это — тюрьма.

«Самка есть самка в силу определённой нехватки
качеств», — говорил Аристотель.

« Nous devons considérer le caractère des femmes comme souffrant d'une défectuosité naturelle. » Et saint Thomas à sa suite décrète que la femme est un « homme manqué », un être « occasionnel ». C'est ce que symbolise l'histoire

de la Genèse où Ève apparaît comme tirée, selon le mot de Bossuet, d'un « os surnuméraire » d'Adam. L'humanité est mâle et l'homme définit la femme non en soi mais relativement à lui ; elle n'est pas considérée comme un être autonome. « La femme, l'être relatif... », écrit Michelet.

C'est ainsi que M. Benda affirme dans le Rapport d'Uriel :

« Le corps de l'homme a un sens par lui-même, abstraction faite de celui de la femme, alors que ce dernier en semble dénué si l'on n'évoque pas le mâle... L'homme se pense sans la femme. Elle ne se pense pas sans l'homme. » Et elle n'est rien d'autre que ce que l'homme en décide ; ainsi on l'appelle « le sexe », voulant dire par là qu'elle apparaît essentiellement au mâle comme un être sexué : pour lui, elle est sexe, donc elle l'est absolument. Elle se détermine et se différencie par rapport à l'homme et non celui-ci par rapport à elle ; elle est l'inessentiel en face de l'essentiel. Il est le Sujet, il est l'Absolu : elle est l'Autre ,

«Следует рассматривать характер женщин как страдающий от природного изъяна».

А святой Фома вслед за ним постановляет: женщина — это «неудавшийся мужчина»,

существо «случайное».

Именно это символизирует история из Бытия, где Ева, по выражению Боссюэ,

является производённой из «лишней кости» Адама.

Человечество — мужского рода,

и мужчина определяет женщину не как таковую, а в отношении к себе;

она не рассматривается как автономное существо.

«Женщина — существо относительное...», — пишет Мишле.

Так, М. Бенда утверждает в Рапорте Уриэля:

«Тело мужчины имеет смысл само по себе, независимо от женского,

тогда как женское тело кажется лишённым смысла, если не привязать его к мужскому...

Мужчина мыслит себя без женщины. Женщина не мыслит себя без мужчины».

И она ничем не является, кроме того, чем её объявляет мужчина;

так её называют просто «полом»,

желая этим сказать, что она для мужчины — прежде всего сексуальное существо:

для него она — пол,

а значит, она и есть это в абсолютном смысле.

Она определяет и различает себя по отношению к

мужчине,

а не наоборот;

она — несущественное перед лицом существенного.

Он — Субъект, он — Абсолют:

она — Иное.

(Пояснение переводчика: «elle est l'Autre» — «она — Иное». Здесь де Бовуар использует философскую категорию «Иного» в экзистенциальном и гегелевском смысле: женщина отнесена к мужскому как к норме и центру, сама же оставаясь объектом, определяемым извне.)

La catégorie de l'Autre est aussi originelle que la conscience elle-même. Dans les sociétés les plus primitives, dans les mythologies les plus antiques on trouve toujours une dualité qui est celle du Même et de l'Autre ; cette division n'a pas d'abord été placée sous le signe de la division des sexes, elle ne dépend d'aucune donnée empirique : c'est ce qui ressort entre autres des travaux de Granet sur la pensée chinoise, de ceux de Dumézil sur les Indes et Rome. Dans les couples Varuna-Mitra, Ouranos-Zeus, Soleil-Lune, Jour-Nuit, aucun élément féminin n'est d'abord impliqué ; non plus que dans l'opposition du Bien au Mal, des principes fastes et néfastes, de la droite et de la gauche, de Dieu et de Lucifer ; l'altérité est une catégorie fondamentale de la pensée humaine. Aucune collectivité ne se définit jamais comme Une sans immédiatement poser l'Autre en face de soi. Il suffit de trois voyageurs réunis par hasard dans un même

compartiment pour que tout le reste des voyageurs deviennent des « autres » vaguement hostiles. Pour le villageois, tous les gens qui n'appartiennent pas à son village sont des « autres » suspects ; pour le natif d'un pays, les habitants des pays qui ne sont pas le sien apparaissent comme des « étrangers » ;

Категория Иного столь же изначальна, как и сама сознательность.

В самых примитивных обществах, в древнейших мифологиях

всегда обнаруживается дуальность — Между Тожественным и Иным;

это разделение первоначально не связано с половой дихотомией,

оно не основывается на эмпирических данных:

это ясно, в частности, из работ Гране о китайской мысли и Дюмезиля об Индии и Риме.

В парах Варуна-Митра, Уранос-Зевс, Солнце-Луна, День-Ночь

никакой женский элемент изначально не присутствует;

так же и в оппозициях Добра и Зла, благоприятного и неблагоприятного, правого и левого, Бога и Люцифера

инаковость представляет собой фундаментальную категорию человеческого мышления.

Ни одно сообщество никогда не определяет себя как Единое,

не поставив немедленно напротив себя Иное.

Достаточно троим случайным попутчикам оказаться в одном купе,

как все прочие пассажиры мгновенно превращаются в «других», смутно враждебных.

Для сельского жителя все, кто не из его деревни, — «другие», подозрительные;

для уроженца страны — жители других стран представляются «иностранцами».

(Пояснение переводчика: «étrangers» — «иностранцы». В оригинале используется слово, которое в французском языке несёт не только значение "принадлежащий другой стране", но и подразумевает инаковость, дистанцию и даже потенциальную угрозу, усиливая концепт Иного.)

les Juifs sont « des autres » pour l'antisémite, les Noirs pour les racistes américains, les indigènes pour les colons, les prolétaires pour les classes possédantes. À la fin d'une étude

approfondie sur les diverses figures des sociétés primitives Lévi-Strauss a pu conclure : « Le passage de l'état de Nature à l'état de Culture se définit par l'aptitude de la part de l'homme à penser les relations biologiques sous la forme de systèmes d'oppositions : la dualité, l'alternance, l'opposition et la symétrie, qu'elles se présentent sous des formes définies ou des formes floues, constituent moins des phénomènes qu'il s'agit d'expliquer que les données fondamentales et immédiates de la réalité sociale(11). » Ces phénomènes ne sauraient se comprendre si la réalité humaine était exclusivement un mitsein basé sur la solidarité et l'amitié. Il s'éclaire au contraire si suivant Hegel on découvre dans la conscience elle-même une fondamentale hostilité à l'égard de toute autre conscience ; le sujet ne se pose qu'en opposant : il prétend s'affirmer comme l'essentiel et constituer l'autre en inessentiel, en objet.

Евреи — это «другие» для антисемита,
чёрные — для американских расистов,
туземцы — для колонистов,
пролетарии — для обладателей капитала.

В завершение обстоятельного исследования различных форм существования в примитивных обществах Леви-Стросс смог заключить:

«Переход от состояния природы к состоянию культуры

определяется способностью человека мыслить биологические отношения как системы оппозиций:

двойственность, чередование, противопоставление и симметрия —

будь то в чётких или расплывчатых формах — представляют собой не столько явления, требующие объяснения,

сколько фундаментальные и непосредственные данные социальной реальности».

Эти явления невозможно было бы понять,

если бы человеческая реальность сводилась исключительно к *mitsein* — бытию-с-другим,

основанному на солидарности и дружбе.

Напротив, они обретают смысл, если, следуя Гегелю,

мы обнаруживаем в самой структуре сознания фундаментальную враждебность к другому сознанию;

субъект утверждает себя только в противопоставлении:

он стремится провозгласить себя существенным

и превратить другого в несущественное, в объект.

(Пояснение переводчика: «le sujet ne se pose qu'en opposant» — «субъект утверждает себя только в противопоставлении». Формула отсылает к гегелевской диалектике господина и раба, где признание другого необходимо, но достигается через конфликт.)

Seulement l'autre conscience lui oppose une prétention réciproque : en voyage le natif s'aperçoit avec scandale qu'il y a dans les pays voisins des natifs qui le regardent à son tour comme étranger ; entre villages, clans, nations, classes, il y a des guerres, des potlachs, des marchés, des traités, des luttes qui ôtent à l'idée de l'Autre son sens absolu et en découvrent la relativité ; bon gré, mal gré, individus et groupes sont bien obligés de reconnaître la réciprocité de leur rapport. Comment donc se fait-il qu'entre les sexes cette réciprocité n'ait pas été posée, que l'un des termes se soit affirmé comme le seul essentiel, niant toute relativité par rapport à son corrélatif, définissant celui-ci comme l'altérité pure ? Pourquoi les femmes ne contestent-elles pas la souveraineté mâle ? Aucun sujet ne se pose d'emblée et spontanément comme l'inessentiel ; ce n'est pas l'Autre qui se définissant comme Autre définit l'Un : il est posé comme Autre par l'Un se posant comme Un. Mais pour que le retournement de l'Autre à l'Un ne s'opère pas, il faut qu'il se soumette à ce point de vue étranger. D'où vient en la femme cette soumission ?

Il existe d'autres cas où, pendant un temps plus ou moins long, une catégorie a réussi à en dominer absolument une autre. C'est souvent l'inégalité numérique qui confère ce privilège : la majorité impose sa loi à la minorité ou la persécute. Mais les femmes ne sont pas comme les Noirs d'Amérique, comme les Juifs, une minorité : il y a autant de femmes que d'hommes sur terre. Souvent aussi les deux groupes en présence ont d'abord été indépendants : ils s'ignoraient autrefois, ou chacun admettait l'autonomie de l'autre ; et c'est un événement historique

qui a subordonné le plus faible au plus fort : la diaspora juive, l'introduction de

l'esclavage en Amérique, les conquêtes coloniales sont des faits datés. Dans ces cas, pour les opprimés il y a eu un avant : ils ont en commun un passé, une tradition, parfois une religion, une culture. En ce sens le rapprochement établi par Bebel entre les femmes et le prolétariat serait le mieux fondé : les prolétaires non plus ne sont pas en infériorité numérique et ils n'ont jamais constitué une collectivité séparée. Cependant, à défaut d'un événement, c'est un développement historique qui explique leur existence en tant que classe et qui rend compte de la distribution de ces individus dans cette classe. Il n'y a pas toujours eu des prolétaires : il y a toujours eu des femmes ; elles sont femmes par leur structure physiologique ; aussi loin que l'histoire remonte, elles ont toujours été subordonnées à l'homme : leur dépendance n'est pas la conséquence d'un événement ou d'un devenir, elle n'est pas arrivée. C'est en partie parce qu'elle échappe au caractère accidentel du fait historique que l'altérité apparaît ici comme un absolu. Une situation qui s'est créée à travers le temps peut se défaire en un autre temps : les Noirs de Haïti entre autres l'ont bien prouvé ; il semble, au contraire, qu'une condition naturelle défie le changement. En vérité pas plus que la réalité historique la nature n'est un donné immuable. Si la femme se découvre comme l'inessentiel qui jamais ne retourne à l'essentiel, c'est qu'elle n'opère pas elle-même ce retour. Les prolétaires disent « nous ». Les Noirs aussi. Se posant comme sujets ils changent en « autres » les bourgeois, les Blancs. Les femmes – sauf en certains congrès qui restent

des manifestations abstraites – ne disent pas « nous » ; les hommes disent « les femmes » et elles reprennent ces mots pour se désigner elles-mêmes ; mais elles ne se posent pas authentiquement comme Sujet. Les prolétaires ont fait la révolution en Russie, les Noirs à Haïti, les Indochinois se battent en Indochine : l'action des femmes n'a jamais été qu'une agitation symbolique ; elles n'ont gagné que ce que les hommes ont bien voulu leur concéder ; elles n'ont rien pris : elles ont reçu(12). C'est qu'elles n'ont pas les moyens concrets de se rassembler en une unité qui se poserait en s'opposant. Elles n'ont pas de passé, d'histoire, de religion qui leur soit propre ; et elles n'ont pas comme les prolétaires une solidarité de travail et d'intérêts ; il n'y a pas même entre elles cette promiscuité spatiale qui fait des Noirs d'Amérique, des Juifs des ghettos, des ouvriers de Saint- Denis ou des usines Renault une communauté. Elles vivent dispersées parmi les hommes, rattachées par l'habitat, le travail, les intérêts économiques, la condition sociale à certains hommes – père ou mari – plus étroitement qu'aux autres femmes. Bourgeoises, elles sont solidaires

des bourgeois et non des femmes prolétaires ; blanches, des hommes blancs et non des femmes noires.

Но другая сознательность предъявляет встречное притязание:

во время путешествия уроженец с возмущением

замечает,
что в соседних странах живут другие уроженцы,
которые, в свою очередь, смотрят на него как на чужака;
между деревнями, кланами, нациями, классами
возникают войны, обмен дарами (потлач), торги,
договоры,
столкновения, которые размывают абсолютный смысл
категории Иного
и выявляют её относительность;
хочешь не хочешь, но отдельные люди и целые группы
вынуждены признать взаимность своих отношений.

Почему же между полами эта взаимность не
утверждена?

Почему один из терминов провозглашает себя
единственно существенным,
отрицает всякую относительность по отношению к
своему корреляту
и определяет его как чистую инаковость?

Почему женщины не оспаривают мужского господства?

Ни один субъект не утверждает себя спонтанно как
несущественный;

это не Иное, определяя себя как Иное, формирует
Единое:

оно поставляется как Иное Единым, утверждающим себя

как Единое.

Но чтобы не произошло обратного перехода Иного в Единое,

необходимо, чтобы оно подчинилось чуждой точке зрения.

Откуда берётся у женщины это подчинение?

Есть и другие случаи, когда одна категория на время добивалась полного господства над другой.

Часто это позволяло численное неравенство:

большинство навязывало свои законы меньшинству или преследовало его.

Но женщины — не как чернокожие в Америке, не как евреи — не меньшинство:

женщин на земле столько же, сколько мужчин.

Нередко также два соприкасающихся сообщества изначально были независимыми:

они не знали друг о друге или признавали взаимную автономию;

а событие истории подчинило более слабое более сильному:

еврейская диаспора, введение рабства в Америке, колониальные завоевания — всё это датируемые факты.

В этих случаях у угнетённых есть до:
общее прошлое, традиция, порой религия, культура.

В этом смысле параллель, которую провёл Бебель между женщинами и пролетариатом, представляется наиболее обоснованной:

пролетарии также не являются меньшинством
и никогда не образовывали отдельного сообщества.

Тем не менее, даже без единственного события,
их существование как класса объясняется историческим
развитием,
объясняющим и распределение индивидов внутри этого
класса.

Пролетарии существовали не всегда:
женщины были всегда;
они — женщины по своей физиологической структуре;
насколько простирается история,
они всегда находились в подчинении мужчине:
их зависимость — не результат события или процесса,
она не случилась.

Частично именно потому, что она ускользает от
случайности исторического факта,
инаковость женщины кажется абсолютной.

Ситуация, созданная временем, может быть разрушена во времени иным:

чёрные Гаити доказали это.

Но природное состояние, напротив, как будто бросает вызов изменению.

На самом деле, как и историческая реальность, природа — не есть незыблемое данное.

Если женщина открывает себя как несущественную, которая никогда не возвращается к сущностному, то потому, что она сама не совершает этого возвращения.

Пролетарии говорят «мы».

Чёрные — тоже.

Утверждаясь как субъекты, они превращают буржуазных и белых — в «других».

Женщины — за исключением некоторых конгрессов, остающихся абстрактными манифестациями —

не говорят «мы»;

мужчины говорят «женщины»,

и женщины используют эти слова, чтобы назвать самих

себя;

но они не утверждают себя подлинно как Субъект.

Пролетарии сделали революцию в России,

чёрные — на Гаити,

индокитайцы сражаются в Индокитае:

действия женщин всегда были лишь символической агитацией;

они добились лишь того, что мужчины согласились им уступить;

они ничего не взяли — они получили.

Потому что у них нет реальных средств,

чтобы объединиться в единое целое,

утверждающее себя в противопоставлении.

У них нет собственного прошлого,

собственной истории,

собственной религии;

и у них нет, как у пролетариев,

солидарности труда и интересов;

между ними даже нет той пространственной скученности,

которая создаёт сообщества:

чёрных в Америке,

евреев в гетто,
рабочих в Сент-Дени или на заводах Рено.

Они живут рассеянно среди мужчин,
связанные жильём, работой, экономическими
интересами, социальной ситуацией
с конкретными мужчинами — отцом или мужем —
более тесно, чем с другими женщинами.

Буржуазки — солидарны с буржуа,
а не с женщинами-пролетарками;
белые — с белыми мужчинами,
а не с чёрными женщинами.

Le prolétariat pourrait se proposer de massacrer la classe dirigeante ; un Juif, un Noir fanatiques pourraient rêver d'accaparer le secret de la bombe atomique et de faire une humanité tout entière juive, tout entière noire : même en songe la femme ne peut exterminer les mâles. Le lien qui l'unit à ses oppresseurs n'est comparable à aucun autre. La division des sexes est en effet un donné biologique, non un moment de l'histoire humaine. C'est au sein d'un mitsein originel que leur opposition s'est dessinée et elle ne l'a pas brisée. Le couple est une unité fondamentale dont les deux moitiés sont rivées l'une à l'autre : aucun clivage de la société par sexes n'est possible. C'est là ce qui caractérise fondamentalement la

femme : elle est l'Autre au cœur d'une totalité dont les deux termes sont nécessaires l'un à l'autre.

Пролетариат может поставить перед собой цель — уничтожить господствующий класс;

еврей или чёрный фанатик могут мечтать завладеть тайной атомной бомбы и превратить всё человечество в еврейское, в чёрное:

женщина же, даже во сне, не может вообразить себе истребление мужчин.

Связь, которая связывает её с угнетателями, не имеет аналогов.

Разделение полов — действительно биологическое данное,

а не момент человеческой истории.

Их оппозиция оформилась внутри изначального *mitsein* — бытия-с-другим —

и не разрушила его.

Пара — это фундаментальная единица,

две половины которой скованы друг с другом:

никакое социальное разделение по признаку пола невозможно.

Вот что в корне характеризует женщину:

она — Иное в самом центре целостности,
где обе части необходимы одна другой.

(Пояснение переводчика: «au cœur d'une totalité» — «в самом центре целостности». Здесь де Бовуар подчёркивает, что инаковость женщины не внешняя по отношению к системе, а внутренняя — она структурно включена в саму ткань социального и онтологического целого.)

On pourrait imaginer que cette réciprocité eût facilité sa libération ; quand Hercule file la laine au pied d'Omphale, son désir l'enchaîne : pourquoi Omphale n'a-t-elle pas réussi à acquérir un durable pouvoir ? Pour se venger de Jason, Médée tue ses enfants : cette sauvage légende suggère que du lien qui l'attache à l'enfant la femme aurait pu tirer un ascendant redoutable. Aristophane a imaginé plaisamment dans Lysistrata une assemblée de femmes où celles-ci eussent tenté d'exploiter en commun à des fins sociales le besoin que les hommes ont d'elles : mais ce n'est qu'une comédie. La légende, qui prétend que les Sabines ravies ont opposé à leurs ravisseurs une stérilité obstinée, raconte aussi qu'en les frappant de lanières de cuir les hommes ont eu magiquement raison de leur résistance. Le besoin biologique – désir sexuel et désir d'une postérité – qui met le mâle sous la dépendance de la femelle n'a pas affranchi socialement la femme. Le maître et l'esclave aussi sont unis par un besoin économique réciproque qui ne libère pas l'esclave. C'est que dans le rapport du maître à

l'esclave, le maître ne pose pas le besoin qu'il a de l'autre ; il détient le pouvoir de satisfaire ce besoin et ne le médiatise pas ; au contraire l'esclave dans la dépendance, espoir ou peur, intériorise le besoin qu'il a du maître ; l'urgence du besoin fût-elle égale en tous deux joue toujours en faveur de l'oppresser contre l'opprimé : c'est ce lui explique que la libération de la classe ouvrière par exemple ait été si lente. Or la femme a toujours été, sinon l'esclave de l'homme, du moins sa vassale ; les deux sexes ne se sont jamais partagé le monde à égalité ; et aujourd'hui encore, bien que sa condition soit en train d'évoluer, la femme est lourdement handicapée. En presque aucun pays son statut

légal n'est identique à celui de l'homme et souvent Il la désavantage considérablement.

Можно было бы вообразить, что именно эта взаимосвязь облегчила бы её освобождение;

когда Геркулес прядёт пряжу у ног Омфалы, его желание его приковывает:

почему же Омфала не смогла обрести устойчивую власть?

Медея, чтобы отомстить Ясону, убивает своих детей:

эта дикая легенда намекает, что из связи с ребёнком женщина могла бы извлечь устрашающее господство.

Аристофан с юмором представил в Лисистрате собрание женщин, которые пытались бы коллективно использовать мужскую потребность в них для социальных целей: но это всего лишь комедия.

Легенда о сабинянках, якобы упорно отказывавшихся от полового акта в знак протеста против похищения, рассказывает также, что мужчины одолели их сопротивление магически, ударяя их кожаными ремнями.

Биологическая нужда — сексуальное желание и стремление к потомству — ставящая самца в зависимость от самки, не обеспечила женщине социального освобождения.

Господин и раб также объединены взаимной экономической потребностью, но это не освобождает раба.

Дело в том, что в отношении господства и подчинения господин не утверждает потребности в другом; он обладает властью удовлетворять эту потребность

и не делает её опосредованной;
раб же, напротив, в зависимости, в надежде или страхе,
интериоризирует свою нужду в господине;

даже если срочность потребности одинакова у обоих,
всегда это играет на руку угнетателю,
против угнетённого:

в этом и заключается объяснение того,
почему освобождение рабочего класса, например, шло
столь медленно.

А женщина всегда была, если не рабой мужчины,
то, по меньшей мере, его вассалом;
половое деление мира никогда не было равным.

И даже сегодня, несмотря на эволюцию её положения,
женщина серьёзно ущемлена.

Почти ни в одной стране её правовой статус
не идентичен статусу мужчины
и часто сильно ей вредит.

(Пояснение переводчика: «souvent il la désavantage considérablement» — «часто сильно ей вредит». Здесь употребление безличного «il» указывает на системный, не персонифицированный характер правового неравенства.)

Мême lorsque des droits lui sont abstraitement reconnus, une longue habitude empêche qu'ils ne trouvent dans les mœurs leur expression concrète. Économiquement hommes et femmes constituent presque deux castes ; toutes choses égales, les premiers ont des situations plus avantageuses, des salaires plus élevés, plus de chances de réussite que leurs concurrentes de fraîche date ; ils occupent dans l'industrie, la politique, etc., un beaucoup plus grand nombre de places et ce sont eux qui détiennent les postes les plus importants. Outre les pouvoirs concrets qu'ils possèdent, ils sont revêtus d'un prestige dont toute l'éducation de l'enfant maintient la tradition : le présent enveloppe le passé, et dans le passé toute l'histoire a été faite par les mâles. Au moment où les femmes commencent à prendre part à l'élaboration du monde, ce monde est encore un monde qui appartient aux hommes : ils n'en doutent pas, elles en doutent à peine.

Даже когда права женщине формально признаются, долгая привычка мешает им найти конкретное выражение в общественных нравах.

Экономически мужчины и женщины почти образуют две касты;

при прочих равных условиях мужчины получают более выгодные позиции,

высокие зарплаты, больше шансов на успех,
чем их относительно недавние конкурентки.

Они занимают гораздо больше мест в промышленности,
политике и других сферах
и именно они располагают самыми значимыми постами.

Помимо конкретной власти, которой они обладают,
их окружает престиж,
традицию которого поддерживает всё воспитание
ребёнка:
настоящее окутано прошлым,
а во всём прошлом — историю творили мужчины.

В тот момент, когда женщины начинают принимать
участие в формировании мира,
этот мир всё ещё остаётся мужским:
мужчины в этом не сомневаются,
женщины — едва ли.

(Пояснение переводчика: «elles en doutent à peine» —
«женщины — едва ли сомневаются». Выражение
передаёт тонкую иронию: женщины, вступающие в
"мужской" мир, по сути, усваивают его как норму, не
осознавая глубину структурной предвзятости.)

Refuser d'être l'Autre, refuser la complicité avec

l'homme, ce serait pour elles renoncer à tous les avantages que l'alliance avec la caste supérieure peut leur conférer. L'homme suzerain protégera matériellement la femme lige et il se chargera de justifier son existence : avec le risque économique elle esquive le risque métaphysique d'une liberté qui doit inventer ses fins sans secours. En effet, à côté de la prétention de tout individu à s'affirmer comme sujet, qui est une prétention éthique, il y a aussi en lui la tentation de fuir sa liberté et de se constituer en chose : c'est un chemin néfaste car passif, aliéné, perdu, il est alors la proie de volontés étrangères, coupé de sa transcendance, frustré de toute valeur. Mais c'est un chemin facile : on évite ainsi l'angoisse et la tension de l'existence authentiquement assumée. L'homme qui constitue la femme comme un Autre rencontrera donc en elle de profondes complicités. Ainsi, la femme ne se revendique pas comme sujet parce qu'elle n'en a pas les moyens concrets, parce qu'elle éprouve le lien nécessaire qui la rattache à l'homme sans en poser la réciprocité, et parce que souvent elle se complaît dans son rôle d'Autre.

Отказаться быть Иным,
отказаться от соучастия с мужчиной —
значило бы для женщины отказаться от всех выгод,
которые может принести союз с высшей кастой.

Сюзерен-мужчина обеспечит материальную защиту
женщине-вассалу

и возьмёт на себя труд оправдать её существование:

уклоняясь от экономического риска,
она избегает и метафизического риска свободы,
которая требует самостоятельно изобретать свои цели.

И действительно,
рядом с притязанием каждого индивида утверждать себя
как субъект —
что есть притязание этическое —
в нём есть также соблазн:
убежать от свободы и стать вещью.

Это путь гибельный:
пассивный, отчуждённый, утраченный;
в этом состоянии человек становится добычей чужих
воль,
оторван от своей трансценденции,
лишён всякой ценности.

Но это лёгкий путь:
он избавляет от тревоги и напряжения подлинного
существования.

Мужчина, который формирует женщину как Иное,
встретит в ней глубокое соучастие.

Так женщина не предъявляет себя как субъект потому, что не располагает конкретными средствами, потому, что ощущает необходимую связь с мужчиной, не утверждая при этом взаимности, и потому, что нередко она находит удовлетворение в своей роли Иного.

(Пояснение переводчика: «elle se complaît dans son rôle d'Autre» — «она находит удовлетворение в своей роли Иного». Здесь де Бовуар указывает на феномен "добровольного порабощения", когда отказ от свободы воспринимается как комфортная защита от экзистенциальной тревоги.)

Mais une question se pose aussitôt : comment toute cette histoire a-t-elle commencé ? On comprend que la dualité des sexes comme toute dualité se soit traduite par un conflit. On comprend que si l'un des deux réussissait à imposer sa supériorité, celle-ci devait s'établir comme absolue. Il reste à expliquer que ce soit l'homme qui ait gagné au départ. Il semble que les femmes auraient pu remporter la victoire ; ou la lutte aurait pu ne jamais se résoudre. D'où vient que ce monde a toujours

appartenu aux hommes et que seulement aujourd'hui les choses commencent à changer ? Ce changement est-il un bien ? Amènera-t-il ou non un égal partage du monde entre hommes et femmes ?

Ces questions sont loin d'être neuves ; on y a fait déjà quantité de réponses ; mais précisément le seul fait que la

femme est Autre conteste toutes les justifications que les hommes ont jamais pu en donner : elles leur étaient trop évidemment dictées par leur intérêt. « Tout ce qui a été écrit par les hommes sur les femmes doit être suspect, car ils sont à la fois juge et partie », a dit au XVIIe siècle Poulain de la Barre, féministe peu connu. Partout, en tout temps, les mâles ont étalé la satisfaction qu'ils éprouvent à se sentir les rois de la création. « Béni soit Dieu notre Seigneur et le Seigneur de tous les mondes qu'Il ne m'ait pas fait femme », disent les Juifs dans leurs prières matinales ; cependant que leurs épouses murmurent avec résignation : « Béni soit le Seigneur qu'Il m'ait créée selon sa volonté. » Parmi les bienfaits dont Platon remerciait les dieux, le premier était qu'ils l'aient créé libre et non esclave, le second homme et non femme. Mais les mâles n'auraient pu jouir pleinement de ce privilège s'ils ne l'avaient considéré comme fondé dans l'absolu et dans l'éternité : du fait de leur suprématie ils ont cherché à faire un droit.

Но тут же возникает вопрос: как всё это началось?

Понятно, что дуальность полов, как всякая дуальность, переводится в конфликт.

Понятно также, что если одному из двух удалось навязать своё превосходство,

то оно должно было утвердиться как абсолютное.

Остаётся объяснить, почему именно мужчина оказался победителем с самого начала.

Кажется, женщины вполне могли бы одержать верх;

или же борьба могла остаться нерешённой.

Почему этот мир всегда принадлежал мужчинам
и лишь сегодня ситуация начинает меняться?

Является ли это изменение благом?

Приведёт ли оно к равному разделу мира между
мужчинами и женщинами — или нет?

Эти вопросы вовсе не новы;

на них уже дано множество ответов;

но именно тот факт, что женщина есть Иное,

оспаривает любые объяснения,

которые могли дать мужчины:

ведь они были слишком очевидно продиктованы их
интересами.

«Всё, что написано мужчинами о женщинах, должно
вызывать подозрение,

поскольку они одновременно и судьи, и участники», —

заявил в XVII веке малоизвестный феминист Пулен де
Ла Бар.

Везде и всегда мужчины демонстрировали
удовлетворение,

которое они испытывают, ощущая себя царями
творения.

«Благословен будь Ты, Господи, Владыка миров, что Ты не сотворил меня женщиной», —

молятся евреи каждое утро;

в то время как их жёны с покорностью шепчут:

«Благословен будь Господь, что Он сотворил меня по Своей воле».

Среди благ, за которые Платон благодарил богов, первым было то, что он рождён свободным, а не рабом, вторым — что мужчиной, а не женщиной.

Но мужчины не смогли бы в полной мере наслаждаться этим привилегием,

если бы не считали его основанным в абсолюте и вечности:

из своей верховности они стремились сделать право.

(Пояснение переводчика: «ils ont cherché à faire un droit» — «они стремились сделать право». Здесь подчёркивается, что историческое и ситуативное превосходство было преобразовано в универсальную норму — в юридическое и моральное обоснование власти.)

« Ceux qui ont fait et compilé les lois étant des hommes ont favorisé leur sexe, et les jurisconsultes ont tourné les lois en principes », dit encore Poulain de la Barre.

Législateurs, prêtres, philosophes, écrivains, savants se sont acharnés à démontrer que la condition subordonnée de la femme était voulue dans le ciel et profitable à la terre. Les religions forgées par les hommes reflètent cette volonté de domination : dans les légendes d'Ève, de Pandore, ils ont puisé des armes. Ils ont mis la philosophie, la théologie à leur service comme on a vu par les phrases d'Aristote, de saint Thomas que nous avons citées. Depuis l'Antiquité, satiristes et moralistes se sont complu à faire le tableau des faiblesses féminines. On sait quels violents réquisitoires ont été dressés contre elles à travers toute la littérature française : Montherlant reprend avec moins de verve la tradition de Jean de Meung. Cette hostilité paraît quelquefois fondée, souvent gratuite ; en vérité elle recouvre une volonté d'autojustification plus ou moins adroitement masquée. « Il est plus facile d'accuser un sexe que d'excuser l'autre », dit Montaigne. En certains cas le processus est évident. Il est frappant par exemple que le code romain pour limiter les droits de la femme invoque « l'imbécillité, la fragilité du sexe » au moment où par l'affaiblissement de la famille elle devient un danger pour

les héritiers mâles.

«Поскольку те, кто создавали и собирали законы, были мужчинами, они благопритствовали своему полу, а юристы превратили законы в принципы», — пишет всё

тот же Пулен де Ла Бар.

Законодатели, священники, философы, писатели, учёные

неустанно стремились доказать, что подчинённое положение женщины

предопределено на небесах и полезно на земле.

Религии, созданные мужчинами, отражают это стремление к господству:

в легендах об Еве, о Пандоре они нашли оружие.

Они поставили философию и теологию себе на службу

что видно, в частности, по высказываниям Аристотеля и святого Фомы,

которые мы уже приводили.

Со времён античности сатирики и моралисты

удовлетворялись рисованием портретов женских слабостей.

Известно, с какой яростью были составлены обвинительные акты против женщин

во всей французской литературе:

Монтерлан лишь менее живо продолжает традицию

Жана де Менга.

Эта враждебность порой кажется обоснованной, чаще — произвольной;

на деле же она скрывает стремление к самооправданию, более или менее ловко замаскированное.

«Проще обвинить один пол, чем оправдать другой», — говорит Монтень.

Иногда этот процесс очевиден.

Например, поразительно, что римский кодекс ограничивает права женщины,

ссылаясь на «слабость, хрупкость пола» —

именно в тот момент,

когда из-за ослабления семьи

женщина становится угрозой для мужских наследников.

(Пояснение переводчика: «l'imbécillité, la fragilité du sexe» — «слабость, хрупкость пола». Использование юридической терминологии для ограничения прав иллюстрирует, как мнимая биологическая "немошь" служит легализации структурного неравенства.)

Il est frappant qu'au XVIe siècle, pour tenir la femme mariée en tutelle, on fasse appel à l'autorité de saint Augustin, déclarant que « la femme est une beste qui n'est

ni ferme ni estable » alors que la célibataire est reconnue capable de gérer ses biens. Montaigne a fort bien compris l'arbitraire et l'injustice du sort assigné à la femme : « Les femmes n'ont pas du tout tort quand elles refusent les règles qui sont introduites au monde, d'autant que ce sont les hommes qui les ont faites sans elles. Il y a naturellement brigue et riotte entre elles et nous » ; mais il ne va pas jusqu'à se faire leur champion. C'est seulement au XVIIIe que des hommes profondément démocrates envisagent la question avec objectivité. Diderot entre autres s'attache à démontrer que la femme est comme l'homme un être humain. Un peu plus tard Stuart Mill la défend avec ardeur. Mais ces philosophes sont d'une exceptionnelle impartialité. Au XIXe siècle la querelle du féminisme devient à nouveau une querelle de partisans ; une des conséquences de la révolution industrielle, c'est la participation de la femme au travail producteur : à ce moment les revendications féministes sortent du domaine théorique, elles trouvent des bases économiques ; leurs adversaires deviennent d'autant plus agressifs ; quoique la propriété foncière soit en partie détrônée, la bourgeoisie s'accroche à la vieille morale qui voit dans la solidité de la famille le garant de la propriété privée : elle réclame la femme au foyer d'autant plus âprement que son émancipation devient une véritable menace ; à l'intérieur même de la classe ouvrière, les hommes ont essayé de freiner cette libération parce que les femmes leur apparaissaient comme de dangereuses concurrentes et d'autant plus qu'elles étaient habituées à travailler à de bas salaires(13). Pour prouver l'infériorité de la femme, les antiféministes ont alors mis à contribution non seulement comme naguère la religion, la philosophie, la théologie mais aussi la science : biologie,

psychologie expérimentale, etc. Tout au plus consentait-on à accorder à l'autre sexe « l'égalité dans la différence ». Cette formule qui a fait fortune est très significative : c'est exactement celle qu'utilisent à propos des Noirs d'Amérique les lois Jim Crow ; or, cette ségrégation soi-disant égalitaire n'a servi qu'à introduire les plus extrêmes discriminations. Cette rencontre n'a rien d'un hasard : qu'il s'agisse d'une race, d'une caste, d'une classe, d'un sexe réduits à une condition inférieure, les processus de justification sont les mêmes.

Поразительно, что в XVI веке, чтобы сохранить замужнюю женщину под опекой, ссылаются на авторитет святого Августина, который утверждает, что «женщина — зверь, ни прочный, ни устойчивый», в то время как незамужняя признаётся способной распоряжаться своим имуществом.

Монтень прекрасно осознал произвольность и несправедливость участи, уготованной женщине:

«Женщины совершенно правы, когда отвергают правила, введённые в мир,

ибо их установили мужчины, без их участия.

Между ними и нами, по природе, идёт борьба и распря»; но он не заходит так далеко, чтобы стать их защитником.

Лишь в XVIII веке некоторые глубоко демократичные мужчины

начинают рассматривать этот вопрос объективно.

Дидро, в частности, старается доказать, что женщина, как и мужчина, — человеческое существо.

Чуть позже Джон Стюарт Милль защищает её с пылом.

Но эти философы — исключительные в своей беспристрастности.

В XIX веке спор о феминизме снова становится борьбой сторон.

Одним из последствий промышленной революции становится участие женщин в производительном труде: в этот момент феминистские требования выходят за рамки теории,

они получают экономическое обоснование;

их противники становятся всё более агрессивными.

Хотя земельная собственность утратила былую власть, буржуазия цепляется за старую мораль,

в которой устойчивость семьи выступает гарантом частной собственности:

она тем отчаяннее требует вернуть женщину в домашнюю сферу,
чем более её эмансипация становится реальной угрозой.

Даже в рабочем классе мужчины стараются затормозить это освобождение,
видя в женщинах опасных конкуренток,
тем более, что женщины привыкли работать за низкую плату.

Чтобы доказать неполноценность женщины,
антифеминисты тогда привлекают на помощь
не только, как прежде, религию, философию, теологию,
но и науку: биологию, экспериментальную психологию
и т. д.

В лучшем случае соглашаются признать за другим полом
«равенство в различии».

Эта формула, обречённая на успех, крайне показательна:
именно её используют законы Джима Кроу
по отношению к чернокожим в Америке;
но эта якобы равная сегрегация
служила лишь прикрытием для самых крайних форм
дискриминации.

Это совпадение не случайно:

идёт ли речь о расе, касте, классе или поле, сведённых к подчинённому положению —

механизмы оправдания остаются одними и теми же.

(Пояснение переводчика: «égalité dans la différence» — «равенство в различии». Под этой фразой скрывается риторический трюк: притворное признание равноправия, на деле закрепляющее социальную иерархию и привилегии.)

« L'éternel féminin » c'est l'homologue de « l'âme noire » et du

« caractère juif ». Le problème juif est d'ailleurs dans son ensemble très différent des deux autres : le Juif pour l'antisémite n'est pas tant un

inférieur qu'un ennemi et on ne lui reconnaît en ce monde aucune place qui soit sienne ; on souhaite plutôt l'anéantir. Mais il y a de profondes analogies entre la situation des femmes et celle des Noirs : les unes et les autres s'émancipent aujourd'hui d'un même paternalisme et la caste naguère maîtresse veut les maintenir à « leur place », c'est-à-dire à la place qu'elle a choisie pour eux ; dans les deux cas elle se répand en éloges plus ou moins sincères sur les vertus du « bon Noir » à l'âme inconsciente, enfantine, rieuse, du Noir résigné, et de la femme

« vraiment femme », c'est-à-dire frivole, puérile,

irresponsable, la femme soumise à l'homme. Dans les deux cas elle tire argument de l'état de fait qu'elle a créé. On connaît la boutade de Bernard Shaw : « L'Américain blanc, dit-il, en substance, relègue le Noir au rang de cirer des souliers : et il en conclut qu'il n'est bon qu'à cirer des souliers. » On retrouve ce cercle vicieux en toutes circonstances analogues : quand un individu ou un groupe d'individus est maintenu en situation d'infériorité, le fait est qu'il est inférieur ; mais c'est sur la portée du mot être qu'il faudrait s'entendre ; la mauvaise foi consiste à lui donner une valeur substantielle alors qu'il a le sens dynamique hégélien : être c'est être devenu, c'est avoir été fait tel qu'on se manifeste ; oui, les femmes dans l'ensemble sont aujourd'hui inférieures aux hommes, c'est-à-dire que leur situation leur ouvre de moindres possibilités : le problème c'est de savoir si cet état de choses doit se perpétuer.

«Вечная женственность» — это аналог «чёрной души» и «еврейского характера».

Хотя еврейская проблема в целом значительно отличается от двух других:

еврей для антисемита — не столько низший, сколько враг,

и ему не признаётся никакого собственного места в этом мире;

скорее — ему желают исчезновения.

Но между положением женщин и положением чёрных существуют глубокие аналогии:

и те, и другие в наши дни стремятся освободиться от одного и того же патернализма,

а прежняя господствующая каста стремится удержать их на «их месте» —

то есть на том месте, которое она сама для них определила.

И в том, и в другом случае она расточает более или менее искренние похвалы

добродетелям «хорошего негра» с его бессознательной, детской, весёлой душой,

негра покорного,

и «настоящей женщины», то есть — легкомысленной, инфантильной, безответственной,

женщины, подчинённой мужчине.

И в обоих случаях она опирается на факты, которые сама и породила.

Известна язвительная реплика Бернарда Шоу:

«Белый американец, — говорит он по сути, — отводит негру роль чистильщика обуви,

а затем делает вывод, что тот годится лишь на чистку обуви».

Этот порочный круг повторяется во всех аналогичных ситуациях:

когда индивидуум или группа искусственно удерживается в положении низшей,

факт заключается в том, что они действительно оказываются внизу;

но тут нужно разобраться, что именно значит быть.

Недобросовестность состоит в том,

чтобы придавать этому слову субстанциальное значение,

тогда как следует понимать его в динамическом, гегелевском смысле:

быть — значит стать,

значит быть сделанным таким, каким ты проявляешься.

Да, женщины в целом сегодня уступают мужчинам,

в том смысле, что их положение открывает им меньше возможностей:

вопрос в том, должно ли это положение сохраняться.

(Пояснение переводчика: «être c'est être devenu» — «быть — значит стать». Эта гегелевская формула акцентирует становление как процесс, отвергая представление о врождённой, неизменной сущности социального положения.)

Beaucoup d'hommes le souhaitent : tous n'ont pas encore

désarmé. La bourgeoisie conservatrice continue à voir dans l'émancipation de la femme un danger qui menace sa morale et ses intérêts. Certains mâles redoutent la concurrence féminine. Dans l'Hebdo-Latin un étudiant déclarait l'autre jour : « Toute étudiante qui prend une situation de médecin ou d'avocat nous vole une place » ; celui-là ne mettait pas en question ses droits sur ce monde. Les intérêts économiques ne jouent pas seuls. Un des bénéfices que l'oppression assure aux oppresseurs c'est que le plus humble d'entre eux se sent supérieur : un « pauvre Blanc » du Sud des U.S.A. a la consolation de se dire qu'il n'est pas un « sale nègre » ; et les Blancs plus fortunés exploitent habilement cet orgueil. De même le plus médiocre des mâles se croit en face des femmes un demi-dieu. Il était beaucoup plus facile à M. de Montherlant de se penser un héros quand il se confrontait à des femmes (d'ailleurs choisies à dessein) que lorsqu'il a eu à tenir parmi des hommes son rôle d'homme : rôle dont beaucoup de femmes se sont acquittées mieux que lui. C'est ainsi qu'en

septembre 1948, dans un de ses articles du Figaro littéraire, M. Claude Mauriac – dont chacun admire la puissante originalité – pouvait(14) écrire à propos des femmes : « Nous écoutons sur un ton (sic !) d'indifférence polie... la plus brillante d'entre elles, sachant bien que son esprit reflète de façon plus ou moins éclatante des idées qui viennent de nous. » Ce ne sont évidemment pas les idées de M. C. Mauriac en personne que son interlocutrice reflète, étant donné qu'on ne lui en connaît aucune ; qu'elle reflète des idées qui viennent des hommes, c'est possible : parmi les mâles mêmes il en est

plus d'un qui tient pour siennes des opinions qu'il n'a pas inventées ; on peut se demander si

M. Claude Mauriac n'aurait pas intérêt à s'entretenir avec un bon reflet de Descartes, de Marx, de Gide plutôt qu'avec lui-même ; ce qui est remarquable, c'est que par l'équivoque du nous il s'identifie avec saint Paul, Hegel, Lénine, Nietzsche, et du haut de leur grandeur il considère avec dédain le troupeau des femmes qui osent lui parler sur un pied d'égalité ; à vrai dire j'en sais plus d'une qui n'aurait pas la patience d'accorder à M. Mauriac un « ton d'indifférence polie ».

Многие мужчины этого желают: не все ещё сложили оружие.

Консервативная буржуазия по-прежнему видит в эмансипации женщин угрозу своей морали и своим интересам.

Некоторые мужчины опасаются женской конкуренции.

В Hebdo-Latin один студент на днях заявил:

«Каждая студентка, которая занимает место врача или адвоката, крадёт у нас рабочее место»;

этот человек даже не ставил под сомнение своё право на этот мир.

Но дело не только в экономических интересах.

Одно из преимуществ, которые угнетение даёт угнетателю, —

в том, что даже самый ничтожный из них чувствует себя выше.

«Бедный белый» с Юга США утешается мыслью,

что он не «грязный негр»;

а более обеспеченные белые умело эксплуатируют эту гордость.

Точно так же самый посредственный из мужчин считает себя полубогом по отношению к женщинам.

Г-ну Монтерлану было куда легче считать себя героем, когда он сравнивал себя с женщинами (к тому же нарочно подобранными),

чем когда ему приходилось держаться среди мужчин в роли мужчины —

роли, с которой многие женщины справлялись лучше него самого.

Так, в сентябре 1948 года

в одной из своих статей в *Figaro littéraire*

г-н Клод Морьяк — чья могучая оригинальность всем известна —

написал, говоря о женщинах:

«Мы слушаем с вежливо-равнодушным тоном (sic!)... самую блистательную из них,

точно зная, что её ум — лишь более или менее яркое отражение идей, исходящих от нас».

Разумеется, речь не идёт о мыслях самого г-на Морьяка
—

никаких таких за ним не замечено;

возможно, она действительно отражает идеи, пришедшие от мужчин:

среди самих мужчин немало тех,

кто считает своими мнениями то, чего сам не изобрёл.

Можно спросить, не было бы полезнее

г-ну Морьяку пообщаться с хорошим отражением Декарта, Маркса, Жида,

нежели с самим собой;

что действительно поразительно —

это то, как при помощи двусмысленного «мы»

он отождествляет себя со святым Павлом, Гегелем, Лениным, Ницше,

и с их высоты

глядит с пренебрежением на стадо женщин,

осмелившихся говорить с ним на равных.

Честно говоря, я знаю немало таких, кто и «вежливо-равнодушного тона» г-ну Морьяку не удостоил бы.

(Пояснение переводчика: «par l'équivoque du nous» — «при помощи двусмысленного “мы”». Здесь де Бовуар раскрывает риторику присвоения коллективной интеллектуальной власти: частное мужское мнение маскируется под универсальное.)

J'ai insisté sur cet exemple parce que la naïveté masculine y est désarmante. Il y a beaucoup d'autres manières plus subtiles dont les hommes tirent profit de l'altérité de la femme. Pour tous ceux qui souffrent de complexe d'infériorité, il y a là un liniment miraculeux : nul n'est plus arrogant à l'égard des femmes, agressif ou dédaigneux, qu'un homme inquiet de sa virilité. Ceux qui ne sont pas intimidés par leurs semblables sont aussi beaucoup plus disposés à reconnaître dans la femme un semblable ; même à ceux-ci cependant le mythe de la Femme, de l'Autre, est cher pour beaucoup de raisons(15) ; on ne saurait les blâmer de ne pas sacrifier de gaieté de cœur tous les bienfaits qu'ils en retirent : ils savent ce qu'ils perdent en renonçant à la femme telle qu'ils la rêvent, ils ignorent ce que leur apportera la femme telle qu'elle sera demain. Il faut beaucoup d'abnégation pour refuser de se poser comme le Sujet unique et absolu. D'ailleurs la grande majorité des hommes n'assume pas explicitement cette prétention. Ils ne posent pas la femme comme une inférieure : ils sont aujourd'hui trop pénétrés de l'idéal démocratique pour

ne pas reconnaître en tous les êtres humains des égaux. Au sein de la famille, la femme est apparue à l'enfant, au jeune homme comme revêtue de la même dignité sociale que les adultes mâles : ensuite il a éprouvé dans le désir et l'amour la résistance, l'indépendance, de la femme désirée et aimée ; marié, il respecte dans sa femme l'épouse,

Я подчеркнула этот пример, потому что мужская наивность в нём обезоруживающая.

Существуют и гораздо более тонкие способы, которыми мужчины

извлекают выгоду из инаковости женщины.

Для всех, кто страдает комплексом неполноценности, это — почти чудодейственный бальзам:

никто не бывает столь высокомерен, агрессивен или пренебрежителен к женщинам,

как мужчина, неуверенный в своей мужественности.

Те, кто не чувствуют себя запуганными своими сверстниками,

обычно гораздо более склонны признавать в женщине равного себе;

но даже для них миф о Женщине, об Иной остаётся дорог

по множеству причин.

(Пояснение переводчика: «le mythe de la Femme, de l'Autre» — «миф о Женщине, об Иной». Заглавные буквы подчёркивают сакрализованную функцию образа женщины как символа инаковости, созданной мужским воображением.)

Нельзя осуждать их за то,

что они не спешат с радостью пожертвовать всеми выгодами,

которые этот миф им приносит:

они знают, что теряют, отказываясь от женщины, как они её себе представляют;

но они не знают, что им принесёт женщина, какой она станет завтра.

Чтобы отказаться утверждать себя как единственный и абсолютный Субъект,

необходима большая самоотверженность.

К тому же подавляющее большинство мужчин

не формулирует это притязание явно.

Они не называют женщину низшим существом:

сегодня они слишком проникнуты демократическим идеалом,

чтобы не признавать в каждом человеческом существе

равного.

В семье женщина представала перед ребёнком,
перед юношей как облачённая в ту же социальную
достоинность,
что и взрослые мужчины;
позднее, в желании и любви, он сталкивался
с сопротивлением и независимостью желанной и
любимой женщины;
а будучи женатым, он уважает в своей жене супругу...

la mère, et dans l'expérience concrète de la vie conjugale elle s'affirme en face de lui comme une liberté. Il peut donc se persuader qu'il n'y a plus entre les sexes de hiérarchie sociale et qu'en gros, à travers les différences, la femme est une égale. Comme il constate cependant certaines infériorités – dont la plus importante est l'incapacité professionnelle –, il met celles-ci sur le compte de la nature. Quand il a à l'égard de la femme une attitude de collaboration et de bienveillance, il thématise le principe de l'égalité abstraite ; et l'inégalité concrète qu'il constate, il ne la pose pas. Mais dès qu'il entre en conflit avec elle, la situation se renverse : il thématisera l'inégalité concrète et s'en autorisera même pour nier l'égalité abstraite(16). C'est ainsi que beaucoup d'hommes affirment avec une quasi bonne foi que les femmes sont les égales de l'homme et qu'elles n'ont rien à revendiquer, et en même temps : que les femmes ne

pourront jamais être les égales de l'homme et que leurs revendications sont vaines. C'est qu'il est difficile à l'homme de mesurer l'extrême importance de discriminations sociales qui semblent du dehors insignifiantes et dont les répercussions morales, intellectuelles sont dans la femme si profondes qu'elles peuvent paraître avoir leur source dans une nature originelle(17). L'homme qui a le plus de sympathie pour la femme ne connaît jamais bien sa situation concrète. Aussi n'y a-t-il pas lieu de croire les mâles quand ils s'efforcent de défendre des privilèges dont ils ne mesurent même pas toute l'étendue. Nous ne nous laisserons donc pas intimider par le nombre et la violence des attaques dirigées contre les femmes ; ni circonvenir par les éloges intéressés qui sont décernés à la « vraie femme » ; ni gagner par l'enthousiasme que suscite sa destinée chez des hommes qui ne voudraient pour rien au monde la partager.

...мать, и в конкретном опыте супружеской жизни она утверждается перед ним как свобода.

Таким образом, он может убедить себя,
что между полами больше нет социальной иерархии,
и что в целом, сквозь различия, женщина ему равна.

Однако, сталкиваясь с некоторыми признаками

неполноценности —

важнейшим из которых является профессиональная несостоятельность —

он приписывает их природе.

Когда его отношение к женщине — сотрудничество и доброжелательность,

он выдвигает в качестве принципа абстрактное равенство;

а ту конкретную неравность, которую он наблюдает,

он не формулирует как проблему.

Но как только между ними возникает конфликт, ситуация меняется:

он начинает подчёркивать конкретное неравенство

и даже использует его как довод для отрицания абстрактного равенства.

Так многие мужчины с почти искренней убеждённой уверенностью утверждают,

что женщины равны мужчинам и им нечего требовать — и одновременно:

что женщины никогда не смогут быть равными мужчинам

и их требования бесполезны.

Мужчине трудно осознать,
насколько значимы социальные формы дискриминации,
которые со стороны кажутся незначительными,
но чьё моральное и интеллектуальное воздействие на
женщину
настолько глубоко,
что может показаться исходящим из её «природы».

(Пояснение переводчика: «elles peuvent paraître avoir leur source dans une nature originelle» — «может показаться, что они проистекают из природы». Де Бовуар подчеркивает: исторически обусловленные последствия воспринимаются как биологические, что и укрепляет структуру угнетения.)

Даже самый сочувствующий женщине мужчина
никогда не знает по-настоящему её конкретного
положения.

Вот почему не следует верить мужчинам,
когда они пытаются защищать привилегии,
в масштабах которых они даже не отдают себе отчёта.

Мы не позволим себя запугать
ни количеством, ни яростью нападков на женщин;
ни обольстить корыстными похвалами,
присуждаемыми «настоящей женщине»;

ни увлечься энтузиазмом,
который вызывает её участь у мужчин,
ни за что не согласных разделить её.

Cependant nous ne devons pas considérer avec moins de méfiance les arguments des féministes : bien souvent le souci polémique leur ôte toute valeur. Si la « question des femmes » est si oiseuse c'est que l'arrogance masculine en a fait une « querelle » ; quand on se querelle, on ne raisonne plus bien. Ce qu'on a cherché inlassablement à prouver c'est que la femme est supérieure, inférieure ou égale à l'homme : créée après Adam, elle est évidemment un être secondaire, ont dit les uns ; au contraire, ont dit les autres, Adam n'était qu'une ébauche et Dieu a réussi l'être humain dans sa perfection quand il a créé Ève ; son cerveau est le plus petit : mais il est relativement le plus grand ; le Christ s'est fait homme : c'est peut-être par humilité. Chaque argument appelle aussitôt

son contraire et souvent tous deux portent à faux. Si on veut tenter d'y voir clair il faut sortir de ces ornières ; il faut refuser les vagues notions de supériorité, infériorité, égalité qui ont perverti toutes les discussions et repartir à neuf.

Mais alors comment poserons-nous la question ? Et d'abord qui sommes-nous pour la poser ? Les hommes sont juge et partie : les femmes aussi. Où trouver un ange ? En vérité un ange serait mal qualifié pour parler, il ignorerait toutes les données du problème ; quant à l'hermaphrodite, c'est un cas bien singulier : il n'est pas

à la fois homme et femme mais plutôt ni homme ni femme. Je crois que pour élucider la situation de la femme, ce sont encore certaines femmes qui sont le mieux placées. C'est un sophisme que de prétendre enfermer Épiménide dans le concept de Crétois et les Crétois dans celui de menteur : ce n'est pas une mystérieuse essence qui dicte aux hommes et aux femmes la bonne ou la mauvaise foi ; c'est leur situation qui les dispose plus ou moins à la recherche de la vérité. Beaucoup de femmes d'aujourd'hui, ayant eu la chance de se voir restituer tous les privilèges de l'être humain, peuvent s'offrir le luxe de l'impartialité : nous en éprouvons même le besoin. Nous ne sommes plus comme nos aînées des combattantes ; en gros nous avons gagné la partie ; dans les dernières discussions sur le statut de la femme, l'O.N.U. n'a cessé de réclamer impérieusement que l'égalité des sexes achève de se réaliser, et déjà nombre d'entre nous n'ont jamais eu à éprouver leur féminité comme une gêne ou un obstacle ; beaucoup de problèmes nous paraissent plus essentiels que ceux qui nous concernent singulièrement : ce détachement même nous permet d'espérer que notre attitude sera objective. Cependant nous connaissons plus intimement que les hommes le monde féminin parce que nous y avons nos racines ; nous saisissons plus immédiatement ce que signifie pour un être humain le fait d'être féminin ; et nous nous soucions davantage de le savoir. J'ai dit qu'il y avait des problèmes plus essentiels ; il n'empêche que celui-ci garde à nos yeux quelque importance : en quoi le fait d'être des femmes aura-t-il affecté notre vie ? Quelles chances exactement nous ont été données, et lesquelles refusées ? Quel sort peuvent attendre nos sœurs plus jeunes, et dans quel sens faut-il les orienter ? Il est frappant que l'ensemble de la

littérature féminine soit animée de nos jours beaucoup moins par une volonté de revendication que par un effort de lucidité ; au sortir d'une ère de polémiques désordonnées, ce livre est une tentative parmi d'autres pour faire le point.

Однако мы не должны с меньшим недоверием относиться и к аргументам феминисток:

зачастую их полемический пыл лишает высказывания всякой ценности.

«Женский вопрос» стал столь бесплодным именно потому,

что мужское высокомерие превратило его в «пререкания»;

а в пререканиях перестают рассуждать здраво.

То, что пытались бесконечно доказать, —

это что женщина выше, ниже или равна мужчине:

одни говорили, что, будучи созданной после Адама,

она очевидно — вторичное существо;

другие утверждали наоборот, что Адам был лишь черновиком,

а Бог достиг совершенства человеческой природы, создав Еву;

её мозг — самый маленький:
но относительно — самый большой;
Христос стал мужчиной —
возможно, по смирению.

Каждый аргумент вызывает свой противоположный,
и часто оба попадают мимо цели.

Если мы хотим прояснить ситуацию,
нужно выйти из этих колеи;
отказаться от расплывчатых понятий
превосходства, неполноценности, равенства,
которые исказили все обсуждения,
и начать с нуля.

Но как же тогда поставить вопрос?
И прежде всего — кто мы, чтобы его ставить?

Мужчины — и судьи, и участники;
женщины — тоже.

Где найти ангела?
На самом деле, ангел был бы плохим экспертом:
он ничего не знал бы о данных проблемы.

Что до гермафродита — это слишком особый случай:
он не и мужчина, и женщина одновременно,
а скорее ни то, ни другое.

Я думаю, что для прояснения положения женщины
наилучшим образом подходят всё же сами женщины.

Это софизм — пытаться заключить Эпименида в понятие
критянина,
а всех критян — в понятие лжеца:
не некая таинственная сущность диктует
мужчинам и женщинам честность или нечестность;
их ситуация склоняет их в той или иной степени к поиску
истины.

Многие современные женщины,
получившие, к счастью, все привилегии человеческого
существа,
могут позволить себе роскошь беспристрастности —
и даже ощущают в этом потребность.

Мы уже не такие, как наши предшественницы, — борцы;
в целом, мы выиграли сражение.

В последних дискуссиях о статусе женщины

ООН настойчиво требует завершения равенства полов,
и уже многие из нас никогда не воспринимали свою
женственность
как помеху или препятствие.

Многие проблемы кажутся нам важнее тех,
что касаются нас в особенности:
именно эта отстранённость позволяет надеяться,
что наша позиция будет объективной.

В то же время, мы ближе, чем мужчины, знаем женский
мир,
поскольку в нём наши корни;
мы непосредственно схватываем,
что значит для человеческого существа быть
женственной,
и мы больше стремимся это понять.

Я уже сказала, что есть проблемы важнее;
но всё же эта для нас сохраняет определённую
значимость:
в чём именно факт быть женщиной повлиял на нашу
жизнь?
Какие шансы нам были даны, а какие — отказаны?
Какой участи могут ожидать наши младшие сёстры
и в каком направлении им следует двигаться?

Поразительно, что вся современная женская литература во многом утратила дух притязания и движима уже скорее стремлением к прояснению.

Выходя из эры беспорядочной полемики,
эта книга — одна из попыток
подвести итоги.

(Пояснение переводчика: «faire le point» — «подвести итоги». Устойчивое выражение, означающее намерение установить ясное, взвешенное положение вещей, освободившись от догматизма и аффекта.)

Mais sans doute est-il impossible de traiter aucun problème humain sans parti pris : la manière même de poser les questions, les perspectives adoptées supposent des hiérarchies d'intérêts ; toute qualité enveloppe des valeurs ; il n'est pas de description soi-disant objective qui ne s'enlève sur un arrière-plan éthique. Au lieu de chercher à dissimuler les principes que plus ou moins explicitement on sous-entend, mieux vaut d'abord les poser ; ainsi on ne se trouve pas obligé de préciser à chaque page quel sens on donne aux mots : supérieur, inférieur, meilleur, pire, progrès, régression, etc. Si nous passons en revue quelques-uns des ouvrages consacrés à la femme, nous voyons qu'un des points de vue le plus souvent adopté c'est celui du bien public, de l'intérêt général : en vérité chacun entend par là l'intérêt de la

société telle qu'il souhaite la maintenir ou l'établir. Nous estimons quant à nous qu'il n'y a d'autre bien public que celui qui assure le bien privé des citoyens ; c'est du point de vue des chances concrètes données aux individus que nous jugeons les institutions. Mais nous ne confondons pas non plus l'idée d'intérêt privé avec celle de bonheur : c'est là un autre point de vue qu'on rencontre fréquemment ; les femmes de harem ne sont-elles pas plus heureuses qu'une électricité ? La ménagère n'est-elle pas plus heureuse que l'ouvrière ? On ne sait trop ce que le mot bonheur signifie et encore moins quelles valeurs authentiques il recouvre ; il n'y a aucune possibilité de mesurer le bonheur d'autrui et il est toujours facile de déclarer heureuse la situation qu'on veut lui imposer : ceux qu'on condamne à la stagnation en particulier, on les déclare heureux sous prétexte que le bonheur est immobilité. C'est donc une notion à laquelle nous ne nous référerons pas. La perspective que nous adoptons, c'est celle de la morale existentialiste. Tout sujet se pose concrètement à travers des projets comme une transcendance ; il n'accomplit sa liberté que par son perpétuel dépassement vers d'autres libertés ; il n'y a d'autre justification de l'existence présente que son expansion vers un avenir indéfiniment ouvert. Chaque fois que la transcendance retombe en immanence il y a dégradation de l'existence en « en soi », de la liberté en facticité ; cette chute est une faute morale si elle est consentie par le sujet ; si elle lui est infligée, elle prend la figure d'une frustration et d'une oppression ; elle est dans les deux cas un mal absolu. Tout individu qui a le souci de justifier son existence éprouve celle-ci comme un besoin indéfini de se transcender. Or, ce qui définit d'une manière singulière la situation de la femme, c'est que,

étant comme tout être humain, une liberté autonome, elle se découvre et se choisit dans un monde où les hommes lui imposent

de s'assumer comme l'Autre : on prétend la figer en objet, et la vouer à l'immanence puisque sa transcendance sera perpétuellement transcendée par une autre conscience essentielle et souveraine.

Однако, безусловно, невозможно рассматривать ни одну человеческую проблему без предвзятости:

уже само формулирование вопросов, принятые перспективы предполагают иерархию интересов;

любое качество несёт в себе ценностную нагрузку;

не существует якобы объективного описания,

которое не опиралось бы на этический фон.

Вместо того чтобы пытаться скрыть принципы, которые мы более или менее явно подразумеваем, лучше сначала их изложить открыто;

тогда не придётся на каждой странице уточнять,

в каком смысле употребляются слова:

высший, низший, лучший, худший, прогресс, регресс и так далее.

Если мы обратимся к ряду сочинений, посвящённых женщине,

то увидим, что одним из самых распространённых подходов

является взгляд с позиции общего блага, интересов общества.

Но на деле каждый под этим подразумевает интерес общества,

которое он желает сохранить или установить.

Мы же полагаем, что нет иного общего блага,

кроме того, которое обеспечивает частное благо граждан;

именно с точки зрения конкретных возможностей,

предоставленных индивидам,

мы оцениваем институции.

Однако мы также не отождествляем понятие частного интереса с понятием счастья:

это ещё один подход, нередко встречающийся;

разве не счастливы гаремные женщины — больше, чем избирательница?

Разве домохозяйка не счастливее работницы?

Неясно, что вообще значит слово «счастье»

и какие подлинные ценности оно может покрывать;
невозможно измерить счастье другого,
и всегда удобно объявить счастливым того,
кому хотят навязать определённую участь:
особенно тех, кому предписано застывание —
их признают счастливыми, ссылаясь на то,
что счастье — это неподвижность.

Следовательно, это понятие мы использовать не будем.

Перспектива, которую мы принимаем, — это мораль экзистенциалистская.

Всякий субъект конкретно утверждает себя через
проекты как трансценденцию;
он реализует свою свободу лишь в постоянном выходе за
пределы себя —
навстречу другим свободам;
и нет иной оправданности существования,
кроме его расширения в бесконечно открытое будущее.

Всякий раз, когда трансценденция падает в
имманентность,
существование деградирует в «в-себе»,
свобода — в фактичность;

и это падение есть моральная вина, если оно происходит по воле субъекта;

если же оно ему навязано,

оно обретает облик фрустрации и угнетения;

и в обоих случаях оно есть абсолютное зло.

Каждый индивид, стремящийся оправдать своё существование,

ощущает в нём неустанную потребность в самопревосхождении.

А потому, что особенно определяет положение женщины —

то, что, являясь, как всякий человек, автономной свободой,

она обнаруживает и выбирает себя в мире,

где мужчины навязывают ей необходимость

осознавать себя как Иное:

её стремятся закрепить в роли объекта

и обречь на имманентность,

поскольку её трансценденция будет вечно перекрыта

другим сознанием — существенным и суверенным.

(Пояснение переводчика: «sa transcendance sera perpétuellement transcendée» — «её трансценденция будет вечно перекрыта». В этой формуле проявляется

механизм структурного подчинения: женская свобода аннулируется доминирующей мужской позицией субъекта.)

Le drame de la femme, c'est ce conflit entre la revendication fondamentale de tout sujet qui se pose toujours comme l'essentiel et les exigences d'une situation qui la constitue comme inessentielle. Comment dans la condition féminine peut s'accomplir un être humain ? Quelles voies lui sont ouvertes ? Lesquelles aboutissent à des impasses ? Comment retrouver l'indépendance au sein de la dépendance ? Quelles circonstances limitent la liberté de la femme et peut-elle les dépasser ? Ce sont là les questions fondamentales que nous voudrions élucider. C'est dire que nous intéressant aux chances de l'individu nous ne définirons pas ces chances en termes de bonheur, mais en termes de liberté.

Il est évident que ce problème n'aurait aucun sens si nous supposions que pèse sur la femme un destin physiologique, psychologique ou économique. Aussi commencerons-nous par discuter les points de vue pris sur la femme par la biologie, la psychanalyse, le matérialisme historique. Nous essaierons de montrer ensuite positivement comment la

« réalité féminine » s'est constituée, pourquoi la femme a été définie comme l'Autre et quelles en ont été les conséquences du point de vue des hommes. Alors nous décrirons du point de vue des femmes le monde tel qu'il leur est proposé(18) ; et nous pourrions comprendre à quelles difficultés elles se heurtent au moment où,

essayant de s'évader de la sphère qui leur a été jusqu'à présent assignée, elles prétendent participer au mitsein humain.

Драма женщины — в конфликте между фундаментальным стремлением всякого субъекта утверждать себя как существенное и требованиями ситуации, которая формирует её как несущественное.

Как может реализоваться человеческое существо в женском положении?

Какие пути для него открыты?

Какие ведут в тупик?

Как обрести независимость внутри зависимости?

Какие обстоятельства ограничивают свободу женщины
—

и может ли она их преодолеть?

Вот те фундаментальные вопросы,
которые мы хотели бы прояснить.

А значит, заботясь о шансах индивида,
мы будем определять их не в терминах счастья,
а в терминах свободы.

Очевидно, что этот вопрос не имел бы смысла,
если бы мы исходили из того,
что на женщину ложится неотвратимая
физиологическая, психологическая или экономическая
судьба.

Поэтому мы начнём с анализа тех взглядов на женщину,
которые предлагает биология, психоанализ,
исторический материализм.

Затем мы постараемся положительно показать,
как была сконструирована «женская реальность»,
почему женщина была определена как Иное
и каковы были последствия этого для мужчин.

После этого мы опишем —
с точки зрения женщин —
мир таким, каким он им предлагается;
и тогда мы сможем понять,
с какими трудностями они сталкиваются в тот момент,
когда, пытаясь вырваться из сферы,
которая до сих пор была им отведена,
они стремятся участвовать в человеческом *mitsein* —
бытии-с-другими.

(Пояснение переводчика: «elles prétendent participer au mitsein humain» — «они стремятся участвовать в человеческом mitsein». Употребление немецкого термина Хайдеггера подчёркивает стремление женщин не просто к равенству, а к полноценному бытию-в-мире в качестве субъектов среди других субъектов.)